

ЛАУРЕАТ
международной журналистской премии
Khaled Alkhateb International Memorial Awards
Победа в номинации «Лучшая работа из зоны конфликта»

Сергей Прудников

Специальный корреспондент "Известий" из эпицентра самых тяжёлых боёв

БИТВА ЗА СВОИХ

ДОНЕЦК
МАРИУПОЛЬ
БАХМУТ

Время Z

Сергей Прудников

**Битва за своих: Донецк,
Мариуполь, Бахмут**

«Издательство АСТ»

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Прудников С.

Битва за своих: Донецк, Мариуполь, Бахмут / С. Прудников —
«Издательство АСТ», 2026 — (Время Z)

ISBN 978-5-17-183932-1

Горящая земля Мариуполя. Страшные месяцы бойни в Донецке. Эвакуация населения на Херсонщине. Подземные лабиринты Бахмута-Артёмовска. Лесные сражения под Кременной. Авдеевская эпопея. Офицеры, мобилизованные, добровольцы, футбольные фанаты, медики, гражданские, дети войны. Рассказы от первого лица – из самого пекла. Книга очерков и репортажей специального корреспондента «Известий» Сергея Прудникова является уникальной летописью происходящего в зоне СВО. То, что не услышишь по телевидению. Объективно, без оценок и штампов, по-журналистски честно. 50 текстов, которые заставят вас понять и прочувствовать, что происходит сегодня в эпицентре переломных мировых событий – на Донбассе.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-183932-1

© Прудников С., 2026
© Издательство АСТ, 2026

Содержание

Материал 1. «Передайте моим, что их мама жива, жива...»	6
Материал 2. «Почему Донецк никто не слышит?»	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Сергей Прудников

Битва за своих: Донецк, Мариуполь, Бахмут

При оформлении издания использованы фотоматериалы Сергея Прудникова и РИА Новости Медиабанка <https://riamediabank.ru/> (*Виталия Анькова*)

© ООО МИЦ «Известия», 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

* * *

*С благодарностью к моим редакторам – Татьяне Байковой и
Владимиру Матвееву*

Материал 1. «Передайте моим, что их мама жива, жива...»

15 марта 2022 г.

На въезде в Волноваху вас встречает большая белая собака. Собака стоит в канаве, выискивает кого-то одного в потоке машин и людей и ни на что не реагирует. Того «одного» нет – хозяин или уехал, или погиб. Собака худая, бока впалые, время от времени она лакает воду из лужи и снова смотрит на людей и вдаль. Бои в Волновахе продолжались около двух недель, этот участок фронта был самым горячим на карте военных действий. 11 марта город перешел под контроль войск ДНР. В подвалах и убежищах во время сражения оставалось до 15 тысяч мирных жителей.

Зона

Мы едем в этот город на юго-западе республики не только за репортажем. С нами два адреса в записной книжке, по которым нужно найти людей. И пассажир в машине – дядя Володя; он, эвакуированный три дня назад в Донецк, едет обратно за тещей и за тетей. Въезд в Волноваху пока ограничен. Один из пропусков – волновахская прописка. А еще – белая тряпка на гражданской машине: чем ближе к Волновахе – тем легковушек с белыми тряпками все больше.

Мне сложно объяснить разницу между мирной и военной территорией, но она есть, она явственно чувствуется, и Волноваха пока – военная зона. И дело не в большом количестве на улицах военнотружущих с расчехленным оружием, не в танках и БТР вокруг, не в сожженной технике на перекрестках, и даже не в пепелищах на месте жилых домов, дело в чем-то неосознанном. Как будто над городом стоит черный дым, хотя никакого дыма нет, над головой ярко, изо всех сил, светит солнце.

Волноваха движется. На авто, пешком, на велосипедах, туда и обратно, во все стороны. С тележками, с бутылками воды, с коробками, в которых гуманитарка. На руках у гражданских все те же повязанные белые тряпки. У одного из домов на въезде стоят двое оборванных чумазных малышей – мальчик и девочка, и смотрят неотрывно на дорогу.

Основное скопление людей на центральной площади. Там – гуманитарка от МЧС, питьевая вода, зарядка телефонов от переносных аккумуляторов, какие-то новости, поиск близких. Оттуда люди растекаются к своим убежищам, а потом возвращаются обратно.

Дядя Володя то и дело просит остановить и здоровается со знакомыми. «Саня!» – кричит он изо всех сил, хотя Саня стоит рядом, – дядя Володя перевозбужден. «Как будто не виделись целую вечность», – смеется он, забираясь обратно, и смотрит, опустив стекло, вместе с нами на то, что осталось от его города. А города нет.

На свет

По первому адресу нужного человека мы находим неправдоподобно быстро. Выезжаем по карте в искомый Путьский переулок, спрашиваем у первой попавшейся женщины номер дома. «А кого вам там?» – «Викторию Михайловну». – «Так это я и есть!»

– От кого вы, от сына? – спрашивает она.

– От него, – отвечаю, и мы как-то автоматически, совершенно искренне обнимаемся.

Рядом появляется дедушка в телогрейке, с каким-то совсем светлым лицом, он натурально светится.

– А это дядя Витя мой, – Виктория Михайловна обнимает и дедушку. – Сосед. Мы с ним вдвоем из всего нашего двухэтажного дома остались. Сначала в подвале пять семей сидело, но 4 марта они ушли... А теперь нас опять много.

– Много?

– У меня хлопцы на постое, десять бойцов донецких. Когда постучались в первый раз – то все черные, грязные были, немного напряженные. Сейчас отмываем их. На завтра парикмахера пригласила.

– А я путеец, – говорит дядя Витя, – 49 с половиной лет на «железке» проработал. От Волновахи до Ясиноватой, и до Мариуполя и Камыш-Зари, – описывает он, не переставая улыбаться, участок, по которому столько лет не ходили поезда и по которому, хочется верить, скоро пойдут снова.

– А откуда радость? – не удерживаюсь, поводов, глядя вокруг, немного.

– Да мы все на свет, наконец, вышли, – объясняет Виктория Михайловна. – Слишком долго сидели. Эмоции! Все ходят, собираются, говорят друг с другом и наговориться не могут.

Мама Ира

Едем по улице Центральной – она главная в городе, простирается из одного конца в другой. Нам как раз в другой – там бомбоубежище, где сидят родные дяди Володи. И дом № 167, где по просьбе одной донецкой семьи нужно попробовать найти их родственников – Таню и Кирилла.

По дороге тормозим все время, хочется выйти и запечатлеть окружающее.

В одном дворе у домика без окон сидят три женщины. Готовят что-то в котелке, из кирпичей сложен очаг.

– Как вы тут? – обращаемся.

Женщины будто только и ждут нашего вопроса:

– А вы кто? Остановитесь, давайте поговорим.

Все – соседки. Дом цел только у одной, у нее и живут.

– Чем питаетесь? Что готовите?

– Суп. Из того, что есть – гречка, макароны. Из гуманитарного пайка папшкет достали, сделали бутерброды. – и несут нам бутерброды. – Угощайтесь!

Ни о каких бутербродах, конечно, и слышать не хочется, но заставляют: «Пожалуйста, возьмите!»

Одна из женщин, у которой не осталось дома, похожа на маленькую растерянную девочку. Она несет из дома сумку и показывает – сумка пробита осколками.

– На мне сумка была, спасла, получается, от осколков? – спрашивает она. И просит: – А можете связаться с моими детьми? Сын и дочь, оба в России.

И торопится записать их телефоны.

– Скажите, пожалуйста, что мама их – Ира Половинкина, жива, жива!

Под землей и на земле

Конечный пункт – городская станция переливания крови. В ее подвалах прятались во время штурма города люди, тут же продолжают жить и сейчас. Подвалов-убежищ – несколько. В одном из них дядя Володя находит тещу и тетю, чтобы увезти их в Донецк. Возле другого я нахожу маленькую девочку, она сидит у костра на пеньке и раскрашивает раскраску. Рядом мама – рубит дрова. Еще одна женщина заваривает чай.

Одну женщину зовут Оля, вторую Вера. Одна работала зубным техником, вторая – фармацевтом.

– А теперь мы вместе – бомжихи, – констатирует Оля.

Дома у Оли нет – снаряд прошил квартиру в пятиэтажке насквозь. «Больше всего именно многоэтажки пострадали, – объясняет она, – потому что там украинские солдаты прятались – высоко, удобно, снайперам раздолье, ломали двери в квартиры, входили, оборудовали огневые точки. И в ответ соответственно, получали...» Дочка у Оли уехала с мужем на Украину – где они, что, как? – ничего не известно.

Женщины тоже спрашивают нас про связь, и мы записываем телефоны и их родственников, которым нужно передать весточку, что живы и здоровы (по всем оставленным номерам позже удастся связаться).

– А там, за оградкой, мертвый украинский солдат лежит, – говорит мне Вера.

– До сих пор не убрали?

– Говорят – некому. Или не хотят... Пойдемте.

Убитый лежит сразу за поворотом. Он раздут. Лицо-маска то ли сизое, то ли бурое. Рот раскрыт в крике. Огромные открытые глаза смотрят в небо.

– Лучше не видеть, – говорю. – Не страшно детям?

– Всем страшно...

Мы привозим с собой гумпомощь – с десятков пакетов с одеждой, в основном – мужской. Но женщины отказываются, говорят – не нужно. В подвале из 50 человек сейчас осталось 15, в основном женщины. А мужчины – или не поглядят даже на вещи, или пропьют. «Только один нормальный, хоть как-то нам помогает с костром, водой, – машут рукой они. – А остальные...»

– Да и вещи, одежда сегодня – фигня! – объясняет Оля. – С домом бедосся, жить негде – вот главное. Все говорят: хорошо, что остались живы. Ну, не знаю... Ребенок потерялся. Мама там внизу в подвале и еле ходит. Перспектива так себе.

Последний пункт – дом № 167, где жили Таня и Кирилл. Хожу и ищу с полчаса, и только один человек находится, который знал их. Но давно не видел, ничего не может сказать. Во время поисков обращаю внимание на неприятный сладкий запах – трупный. Тел вокруг не видно, но запах стоит. Долго он будет преследовать и потом, в машине, как будто присутствуя рядом.

На выезде из Волновахи мы снова встретим большую белую собаку, она будет стоять на том же самом месте и вглядываться в людей.

Материал 2. «Почему Донецк никто не слышит?»

16 марта 2022 г.

Донецк пережил самое массовое за последние восемь лет убийство мирных жителей. 14 марта в центре города после удара «Точки У» погиб 21 человек, 37 – ранены. Вторник, 15 марта, стал в республике днем траура. По официальной информации, ракета была выпущена из города Красноармейска, что находится в 50 км северо-западнее Донецка, виновники преступления – военные 19-й ракетной бригады ВСУ. Сегодняшний репортаж – о том, как город пытается справиться с этой болью.

В самом центре

Если вычислять самый центр Донецка, то, видимо, получится та самая площадь, над которой рассыпалась «Точка У». Здесь соединение всех дорог, здание бывшей областной администрации, художественный музей, республиканская библиотека. Отсюда же берет начало главная пешеходная улица – бульвар Пушкина, местный Арбат. Параллельно идет улица Университетская – одна из ключевых транспортных артерий. Ракету, выпущенную ВСУ, начиненную, как выяснилось, кассетными зарядами, сбила местная ПВО. К сожалению, она упала именно в этом самом центре. Из всего заряда кассет, по словам военных, сработала только одна, но и она забрала два десятка жизней.

Кадры, снятые камерами видеонаблюдения в момент падения ракеты и после очевидцами, запечатлели детали произошедшего. Люди стоят перед входом в местный республиканский банк, один из них ребенок – мальчик. В этом отделении платят за коммуналку или снимают наличность. Мальчик одет в зеленую куртку и в шапку с помпоном. Во время разрыва дверь открывает женщина, и мальчик успевает броситься внутрь (позже выяснится, что его ранило). Саму дверь буквально сносит взрывной волной и поражающими элементами. Двое мужчин, стоящих рядом, валятся на землю, у одного перебивает ногу, как будто рубит топором пополам, льется кровь. Мимо проходит старушка. Позже она попадет в камеры, лежащая в луже крови, хлопающая рукой об асфальт.

Имена жертв пока официально не обнародованы. Известно, что погибли пассажиры маршрутки, ехавшей по Университетской. Экспедитор – он выгружал из «Газели» продукты – картошку, капусту, лук. Курсант военного училища, который с товарищем патрулировал улицы (товарищ – ранен). Семейная пара в легковой машине. Пожилая женщина, над бездыханным телом которой муж будет стоять и плакать: «Люба, ты меня слышишь? Что с тобой, ты ранена? Вставай, Люба!..»

«Пожалуйста, дайте обезболивающее»

Разрыва было два, с небольшим промежутком. Первый, вероятно, после попадания ПВО, второй – от удара ракеты о землю.

– Мы в этот день с коллегами таскали в школьный спортзал раскладушки, матрасы, одеяла, подушки, готовили места, возможно, для будущих беженцев из Мариуполя, – рассказала мне Анна, учительница школы № 17 (школа оказалась в сотне метров от эпицентра взрыва). – Управились и поднялись на второй этаж выпить кофе. Как раз сидели возле окна, когда раздался первый разрыв, а за ним второй. Стекла затрещали, но не лопнули, а в доме напротив вылетели сразу.

Затем, по словам Анны, они отбежали в глубь помещения, и стояли там минут 15–20 под несущими стенами, не чувствуя рук и ног от дрожи. Скоро раздалась сирены экстренных служб, и они то удалялись, то приближались, вероятно, не понимая, где эпицентр ЧП.

Жительница Донецка Майя Пирогова оказалась на месте трагедии спустя несколько минут после произошедшего.

– Это было страшное зрелище. Крик людей, плач. Черный дым, тяжелый запах. Много бездыханных тел... Одна женщина лежала с перебитыми ногами и просила: «Пожалуйста, дайте обезболивающее». У одного мужчины оторвало ногу, и ему перетягивали жгутом рану. Спасатели прибыли на место оперативно. И очень слаженно работали, и стойко. Грамотно сор-

тировали раненых по степени тяжести. Какая-то девушка не очень ровно шла по земле и ей закричали: «Вы ранены? Нет? Все равно – идите сюда, тут врачи...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.